

Карпова Людмила Леонидовна

СПЕЦИФИКА СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ УСИЛИТЕЛЬНО-ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТОВ)

В статье анализируются особенности функционирования усилительно-личных местоимений в северных диалектах удмуртского языка. Освещаются специфические явления данного разряда местоимений, которые преимущественно прослеживаются в парадигмах склонения. Выявляется общее и частное в словоизменении усилительно-личных местоимений в указанных диалектах. Проводится сравнение некоторых языковых фактов северных диалектов с аналогичными явлениями других удмуртских диалектов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 81-84. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**IMAGE OF POEM AUTHOR IN PROSE AND LYRICAL INTERNET MINIATURE:
STEREOTYPING OF SPEECH STRUCTURE****Kazakova Ol'ga Anatol'evna**, Ph. D. in Philology, Associate Professor**Dolganina (Plotnikova) Anna Alekseevna**, Ph. D. in Philology

Tomsk Polytechnic University

kazakovaoa@tpu.ru; plotnikova.anna@gmail.com

The article substantiates the hypothesis that there is a relationship of continuity between poems in prose and Internet miniatures resulting from the stereotyping of a speech structure of this genre. Poems in prose and Internet miniatures are compared by a communicative and pragmatic parameter of the profiles of the speech genre – image of the author – according to the characteristics of the linguistic personality of a speech producer and the subject of narration selected by him. General and distinctive features of two genres are identified.

Key words and phrases: speech genre; image of author; author of literary text; linguistic personality; Internet miniature; poem in prose; stereotyping of speech structure.

УДК 811.511.131'28

Филологические науки

В статье анализируются особенности функционирования усилительно-личных местоимений в северных диалектах удмуртского языка. Освещаются специфические явления данного разряда местоимений, которые преимущественно прослеживаются в парадигмах склонения. Выявляется общее и частное в словоизменении усилительно-личных местоимений в указанных диалектах. Проводится сравнение некоторых языковых фактов северных диалектов с аналогичными явлениями других удмуртских диалектов.

Ключевые слова и фразы: удмуртский язык; северные диалекты; морфология; усилительно-личные местоимения; словоизменение.

Карпова Людмила Леонидовна, к. филол. н.Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского Отделения Российской Академии наук
karpovalud@rambler.ru**СПЕЦИФИКА СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ УСИЛИТЕЛЬНО-ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ
В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТОВ)©**

Традиция научного изучения местоимений, заложенная в первых грамматиках удмуртского языка [9; 17], неразрывно связана с исследованием данной части речи в общезычно-угорском аспекте [6; 7]. Описанию истории пермских местоимений посвящены труды многих ученых, в частности, Б. А. Серебренникова [8, с. 184-213], Г. В. Федоновой [14], Ш. Чуча [16]. Теоретические вопросы, касающиеся удмуртских местоимений, нашли отражение в разделах описательных и нормативных грамматик [2; 13], в работах В. К. Кельмакова [5, с. 134-140], И. В. Тараканова [10, с. 120-129]. Между тем, многие вопросы, связанные со сферой функционирования местоимений, требуют скрупулезного анализа. В частности, в научной литературе до сих пор не получило должного освещения многообразие особенностей местоименного дейксиса удмуртских диалектов и не уточнено территориальное распространение вариантных форм.

Настоящее исследование посвящено выявлению общего и частного в парадигме словоизменения усилительно-личных местоимений в диалектах севернудмуртского наречия. Фактический материал интерпретируется, по возможности, в контексте удмуртского языкового диалектного ландшафта. В пределах северного наречия выделяются 3 группы говоров (или 3 диалекта): верхнечепецкие, среднечепецкие, нижнечепецкие (далее – *вч.*, *сч.* и *нч.* соответственно – *прим. автора Л. К.*). Источником по среднечепецкому и верхнечепецкому диалектам послужили полевые материалы автора (далее в иллюстративных примерах-предложениях – *ПМА* – *прим. автора Л. К.*). Материал по нижнечепецким говорам заимствуется нами из работы Т. И. Тепляшиной [11, с. 156-196].

1. В большинстве удмуртских диалектов система склонения усилительно-личных местоимений представлена 9-ю членами падежной парадигмы, среди которых разграничиваются 8 субъектно-объектных падежей (номинатив, аккузатив, генитив, аблатив, датив, каритив, инструменталь, адвербиаль) и 1 пространственный падеж (аппроксиматив). В отличие от этого, в отдельных северных диалектах, в частности среднечепецком, усилительно-личные местоимения, подобно личным местоимениям и группе одушевленных существительных со значением человека, лица [3, с. 36; 4, с. 231], могут принимать показатели приблизительно-местных падежей с *-н'*-евым элементом. В среднечепецком диалекте засвидетельствовано 2 формы приблизительно-

местных падежей рассматриваемых местоимений: приближительный инессив и приближительный иллатив. Примеры-предложения: *асн'ам соос йун кэма ули·зь* (с. Пышкет Юкаменского района, ПМА); / 'У меня ('у меня самого') они очень долго жили' *асн'аз лъктэм калькэз анна ук пь·ртъ, къшка, вьлдъ* (д. Ертем Юкаменского района, ПМА) / 'К себе ('к себе самой') в дом приезжих людей Анна не пускает, боится, видно'.

В верхнечепецких и нижнечепецких северных говорах, как и в большинстве удмуртских диалектов, усилительно-личные местоимения не имеют форм приближительно-местных падежей: им соответствуют послеложные конструкции с послелогом с основой *дин'-* 'у, около, возле, при' (верхнечепецкие говоры) и *дор-* 'у, около, возле, при' (нижнечепецкие, срединные говоры и южноудмуртские диалекты).

Следует отметить, что серия новых пространственных падежей с показателем *-н'* образовалась на базе послелогов с основой *дин'-* 'у, около, возле, при', которые, в свою очередь, сформировались от имени существительного *дин'* 'основание, комель; близость, околица'.

Помимо северноудмуртских диалектов, приближительно-местные падежи встречаются также в бесермянском наречии [12, с. 184]. Наличие локальных падежей с элементом *-н'*, образованных от послелогов с основой на *дын-/дин-*, отмечается и в коми-пермяцких диалектах [1, с. 138]. По мнению Р. Бейкера, процесс разрушения послелогов и вследствие этого образование новых падежных формантов с элементом *-н'*, имеющее место в северноудмуртских и южно-коми-пермяцких говорах, происходил в каждом из этих языков параллельно и независимо друг от друга [15, р. 198]. Следовательно, развитие в удмуртских и коми-пермяцких диалектах приближительно-местных падежей из послелогов с основой *дин'-*, *дын-/дин-* представляет собой позднее явление.

2. Номинативные формы усилительно-личных местоимений в северноудмуртских диалектах с точки зрения образования оформлены единообразно; имеют место различия фонетического характера. В верхнечепецких и среднечепецких говорах, как и в преобладающем большинстве удмуртских диалектов, сингулярные формы представлены местоимениями *ачим* 'я сам', *ачид* 'ты сам', *ачиз* 'он сам'. В отличие от этого, в говорах нижнечепецкого диалекта соответствующие местоимения выступают в двух вариантах: *ачим* ~ *ачым*, *ачид* ~ *ачыд*, *ачиз* ~ *ачыз*. Формы местоимений *ачым*, *ачыд*, *ачыз* функционируют также в бесермянском наречии [12, с. 183] и территориально отдаленном кукморском говоре. В коми языке эта группа местоимений представлена формами *ачым*, *ачыд*, *ачыз*. По мнению исследователей [8, с. 201; 16, S. 236], первичными по происхождению являются формы *ачым*, *ачыд*, *ачыз*, восходящие к прапермскому периоду. Таким образом, из удмуртских диалектов только нижнечепецкие говоры, бесермянский и кукморский диалекты сохраняют архаичные формы указанных местоимений. Примеры-предложения: *мон ачим ро·дом-то тумыс'. вот отын тин' ули мон* (с. Елово Ярского района, ПМА) / 'Я сама родом-то из Тума. Вот там вот жила я'; *миналйос та·чак, соослы носки кэрттоно, пкз' кэрттоно, дис' ачим вурьили соослы* (с. Полом Кезского района, ПМА) / 'Детей много, им носки нужно связать, одежду я сама шила им'.

Определенные различия в северноудмуртских диалектах обнаруживаются в оформлении номинатива усилительно-личных местоимений множественного числа. В большинстве удмуртских диалектов плюральные формы образуются присоединением к основе *ас'-* показателей *-мэ*, *-тэ*, *-сэ*, представляющих собой варианты притяжательных суффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа и суффикса множественного числа имен существительных *-ос*: *ас'мэос* 'мы сами', *ас'тэос* 'вы сами', *ас'сэос* 'они сами'. В отличие от этого, в диалектах северноудмуртского языкового ареала встречаются три варианта чередующихся основ: *ач-*, *ас'-*, *ас-*, к которым присоединяются те же лично-притяжательные суффиксы и показатель множественного числа. Однако вследствие определенных фонетических преобразований в рассматриваемых диалектах эти местоимения получили несколько иное фонетическое оформление. Для среднечепецких говоров наиболее характерными являются формы *ачимэс* 'мы сами', *ачидэс* 'вы сами', *ачизэс* 'они сами', лишь sporadически встречаются варианты *ас'мэс* 'мы сами', *ас'тэс* 'вы сами', *ас'сэс* 'они сами'. В нижнечепецких говорах отмечается употребление форм *ачимэс* ~ *ачымэс* 'мы сами', *ачидэс* ~ *ачыдэс* 'вы сами', *ачизэс* ~ *ачызэс* 'они сами'. В верхнечепецком диалекте отмечается функционирование параллельных форм *ас'мэс* ~ *асмэс*, *ас'тэс* ~ *астэс*, *ас'сэс* ~ *ассэс*. Наряду с ними, в полемском говоре указанного диалекта sporadически используются формы *ачмэс*, *ачтэс*, *ачсэс*, а в гыинском говоре, являющемся пограничным среднечепецкому диалекту – формы *ачимэс*, *ачидэс*, *ачизэс*. Некоторые примеры-предложения: *вал'л'о вуз магаз'инэ ачизэс ворттыли·зы, со бытса мэшокйосты йсоктылим, о·стэ инмарэ·күаз'э!* (д. Чарланово Ярского района, ПМА) / 'Раньше товар в магазин они сами возили, такие мешки мы разгружали, боже мой!'; *война вылын ми асмэс кышноос гырим но, киз'им но, арам но* (д. Зяьгор Кезского района, ПМА) / 'Во время войны мы сами жестины, и пахали, и сеяли, и жали'; *йал'л'ан вэт' фэрмын дойаркаос ас'сэс пыз' пьрттыли·зы* (д. Березовка Дебесского района, ПМА) / 'Раньше ведь на ферме доярки сами ('они сами') муку затаскивали'.

Верхнечепецкие местоимения *ас'мэс* ~ *асмэс*, *ас'тэс* ~ *астэс*, *ас'сэс* ~ *ассэс* представляют собой стяженную форму от соответствующих местоимений *ас'мэос* ~ *асмэос*, *ас'тэос* ~ *астэс*, *ас'сэос* ~ *ассэс*. Нижнечепецкие местоимения *ачымэс*, *ачыдэс*, *ачызэс* образованы присоединением к формам местоимений *ачымэ*, *ачыдэ*, *ачызэ* (здесь элементы *-мэ*, *-тэ*, *-сэ* представляют собой варианты притяжательных суффиксов 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа) показателя множественного числа *-ос*. В результате выпадения гласного *о* показателя множественного числа имеем стяженные формы: *ачымэс* < *ачымэ+ос*, *ачыдэс* <

ачыдэ+ос, ачызэс < ачызэ+ос. Аналогичным образом возникли среднечепецкие формы ачимэс, ачидэс, ачизэс: ачимэс < ачимэ+ос, ачидэс < ачидэ+ос, ачизэс < ачизэ+ос.

Относительно происхождения трех вариантов чередующихся основ *ач-*, *ас'-*, *ас-* усилительно-личных местоимений взгляды исследователей расходятся. В частности, Б. А. Серебренников [8, с. 201] полагает, что в качестве исходной выступает основа *ас-*. По мнению венгерского ученого Ш. Чуча, первичными являются варианты *ач- ~ ас'-*, восходящие к финно-угорскому языку-основе. Исследователь считает возможным возникновение основы *ас-* как фонетического варианта основы *ас'-* [16, S. 236]. Среднечепецкие формы *ачимэс, ачидэс, ачизэс* и верхнечепецкие формы *ас'мэс, ас'тэс, ас'сэс* встречаются также в кукуморском и некоторых других южноудмуртских диалектах [5, с. 136-137]. В бесермянском наречии отмечено параллельное употребление следующих форм: *ас'мэс ~ ач^бмэс, ас'тэс ~ ач^бтэс, ас'сэс ~ ач^бзэс* [12, с. 187].

3. Формы косвенных падежей описываемых местоимений обнаруживают как фонетические различия, так и отличия по способу образования.

3.1. В северноудмуртских диалектах не представляет единства оформление генитива множественного числа усилительно-личных местоимений. В среднечепецких говорах данный падеж выступает в двух параллельно употребляющихся формах: *асламьлэн* и *ас'мэлэн* 'у нас самих', *асладьлэн* и *ас'тэлэн* 'у вас самих', *аслазьлэн* и *ас'сэлэн* 'у них самих'. В верхнечепецких говорах представлены формы *ас'мэлэн ~ асмэлэн ~ ачимэлэн ~ аслам* 'у нас самих', *ас'тэлэн ~ астэлэн ~ аслад* 'у вас самих', *ас'сэлэн ~ ассэлэн ~ аслаз* 'у них самих'. В нижнечепецких говорах зафиксировано употребление лишь одной формы *аслам* [11, с. 175]. Среднечепецкие и верхнечепецкие варианты *ас'мэлэн, ас'тэлэн, ас'сэлэн* совпадают с литературным языком. Формы *асламьлэн, асладьлэн, аслазьлэн*, бытующие в среднечепецких говорах, образованы присоединением падежного показателя *-лэн* к генитивной форме единственного числа. Местоимение *ачимэлэн* sporadически встречается в отдельных говорах верхнечепецкого диалекта, в частности, оно зафиксировано в языке удмуртов деревень Пажман и Старая Гыя Кезского района. Следует отметить, что во 2-м и 3-м лицах формы местоимений с древней основой *ач-* в указанных говорах не наблюдаются. В нижнечепецких говорах генитив множественного числа совпадает с формой генитива единственного числа. Некоторые примеры-предложения: *асламьлэн кон'донмь окми-з-а бил'этль?* (с. Пышкет Юкаменского района, ПМА) / 'У нас ('у нас самих') денег хватило на билеты?'; *ас'мэлэн ськальмь öвöн', сос'эд'д'ослэс' коза йёл ворттэс'ком* (д. Ново-Елово Юкаменского района, ПМА) / 'У нас ('у нас самих') коровы уже нет, от соседей козье молоко приносим'; *тил'ад астэлэн бэн с'эмйады ва-н'-а?* (д. Александрово Кезского района, ПМА) / 'У вас-то ('у вас самих-то') семья есть ли?'; *аслам татын вал'л'о л'эспромхоз вал* (д. Большой Унтем Кезского района, ПМА) / 'У нас ('у нас самих') раньше здесь леспромхоз был'.

3.2. В северноудмуртских диалектах датив усилительно-личных местоимений множественного числа также отмечается разнообразием форм. В среднечепецких говорах во всех лицах он может выражаться следующими формами: *ачимэсэль, аслэмьль* и *аслэм* 'нам самим', *ачидэсэль, аслэдьль* и *аслэд* 'вам самим', *ачизэсэль, аслэзьль* и *аслэз* 'им самим'. В говоре д. Сибирь нижнечепецкого диалекта употребительны формы *аслэм, аслэд, аслэз*. В верхнечепецких говорах встречаются следующие формы: *ас'мэлы* и *асмэлы* 'нам самим', *ас'тэлы* и *астэлы* 'вам самим', *ас'сэлы* и *ассэлы* 'им самим'. Помимо этого, в говоре д. Пажман Кезского района зафиксирована форма с древней основой *ач-*, выступающая только в 1-м лице – *ачимэлы*. Некоторые примеры-предложения: *ачизэсэль кварт'и-ра с'отэмьн зэч* (д. Штанигурт Глазовского района, ПМА) / 'Им ('им самим') квартиру дали хорошую'; *аслэмьль туннэ атсконо вал* (с. Пышкет Юкаменского района, ПМА) / 'Нам ('нам самим') сегодня нужно было бы встретиться'; *тинал'л'осль аслэс с'оти-зь кон'донзэс* (д. Ертем Юкаменского района, ПМА) / 'Детям самим ('им самим') отдали деньги'; *асмэлы, нэрэс'йослы, ма мэдам кулэ на?* (д. Сыга Кезского района, ПМА) / 'Нам ('нам самим'), старикам, что же еще нужно?'; *дойаркаос йун шу-мпотизы: ачимэлы, нылы, нэ, ву шунтыны сра-зу вуид* (д. Пажман Кезского района, ПМА) / 'Доярки очень обрадовались: нам ('нам самим'), дочка, мол, ты сразу пришла воду греть'; *солы аслэз вэтлоно вал Кировэ* (д. Сибирь Унинского района, ПМА) / 'Ей самой бы надо съездить в Киров'.

Среднечепецкие местоимения *ачимэсэль, ачидэсэль, ачизэсэль* образованы присоединением к основе множественного числа *ачимэс, ачидэс, ачизэс* падежного показателя *-ль*. Гласный *э* возник, по-видимому, в целях устранения стечения согласных. Формы *аслэмьль, аслэдьль, аслэзьль*, употребительные в среднечепецком и нижнечепецком диалектах, вероятно, образованы по следующей схеме: основа *ас-* + форматив *-ла*, видоизмененный в *-лэ* + притяжательные суффиксы *-мь-, -дь-, -зь* + падежный показатель *-ль*. Местоимения *аслэм, аслэд, аслэз* представляют собой усеченную форму датива от местоимений *аслэмьль, аслэдьль, аслэзьль*. Верхнечепецкие местоимения *ас'мэлы, ас'тэлы, ас'сэлы* совпадают с литературной формой и образованы присоединением к соответствующим основам множественного числа (*ас'мэ-, ас'тэ-, ас'сэ-*) суффикса дательного падежа *-лы*. Форма *ачимэлы*, зафиксированная в говоре д. Пажман, возникла путем присоединения к основе местоимения 1-го лица множественного числа *ачимэ* падежного показателя *-лы*.

3.3. Относительно дистрибуции косвенных падежных форм усилительно-личных местоимений важно отметить ограниченное употребление в северноудмуртских диалектах аппроксиматива. Формы типа *ачимлан'* 'по направлению ко мне самому, в сторону меня самого', *ачидлан'* 'по направлению к тебе самому, в сторону тебя самого' употребляются исключительно редко и встречаются в основном в речи пожилого населения. Некоторые примеры-предложения: *ти ачимлан' ва-с'кэ, мон тил'эд с'эм часов магаз'ин дорын*

vit'o (д. Азамай Глазовского района, ПМА) / 'Вы по направлению ко мне ('**ко мне самой**') спускайтесь, я вас в семь часов у магазина буду ждать'; *фторойэс кэнэ мынам кэзыс'*. *тимэ но ачизлан'* кээ кыскиз (д. Зар-Медла Дебесского района, ПМА) / 'Вторая сноха моя из Кеза. И сына моего она к себе ('**в сторону свою**') в Кез переманила'. Низкая дистрибутивная нагрузка аппроксиматива в северноудмуртском языковом континууме продиктована широкой употребляемостью послеложных конструкций (местоимение в номинативе плюс послелог *пала* 'по направлению к, в сторону') в данном значении: *ачим пала ти бэн ку вуи-ды?* (д. Александрово Кезского района, ПМА) / 'В нашу сторону ('**по направлению к нам самим**') вы вот когда приехали?'; *ижыс'* *куноос ачимэс пала рэ-тко вуыло* (д. Бачумово Ярского района, ПМА) / 'Гости из Ижевска к нам ('**по направлению к нам самим**') редко приезжают'. В северноудмуртских диалектах процесс ослабления морфологического оформления аппроксиматива не только в системе местоимений, но и существительных, имеет тенденцию к дальнейшему развитию. Следует отметить, что во многих периферийно-южных и некоторых южных говорах также наблюдается тенденция замещения аппроксимативных форм послеложными конструкциями.

Таковы вкратце наиболее характерные особенности в парадигме словоизменения усилительно-личных местоимений в северноудмуртских диалектах. Как показывает материал, отличительные признаки данной группы местоимений в указанных диалектах в большей степени обусловлены: 1) фонетическими особенностями диалектов; 2) выбором основы при образовании падежных форм (номинативной, генетивной, дативной); 3) различной комбинацией суффиксов; 4) различной дистрибуцией падежных форм. Вариативность усилительно-личных местоимений в удмуртском диалектном пространстве свидетельствует об инновационных процессах в их становлении и развитии.

Список литературы

1. **Баталова Р. М.** Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 251 с.
2. **Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология.** Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1962. 376 с.
3. **Карпова Л. Л.** Личные местоимения в северных диалектах удмуртского языка // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2010. Вып. 44. № 17 (198). С. 32-39.
4. **Карпова Л. Л.** Особенности функционирования падежей в северных диалектах удмуртского языка // Вестник Красноярского университета. 2011. № 4. С. 231-236.
5. **Кельмаков В. К.** Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
6. **Майтинская К. Е.** Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
7. **Майтинская К. Е.** Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 308 с.
8. **Серебренников Б. А.** Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.
9. **Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка.** Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года // Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск: Удмуртия, 1975. 16 с. + 113 с. + 17 с.
10. **Тараканов И. В.** К вопросу о грамматических значениях усилительно-личных местоимений в удмуртском языке // Удмуртский язык: становление и развитие: сб. статей. Ижевск: Удмуртия, 2007. С. 120-129.
11. **Тепляшина Т. И.** Нижнее-чепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156-196.
12. **Тепляшина Т. И.** Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.
13. **Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез)** (=Морфология удмуртского языка): тодослыко-дышетскон издание. Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. 406 б.
14. **Федюнева Г. В.** Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 427 с.
15. **Baker R.** The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation. Helsinki, 1985. 266 p.
16. **Csúcs S.** Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 405 S.
17. **Wiedemann F. J.** Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 S.

SPECIFICS OF INFLEXION OF THE INTENSIFYING PERSONAL PRONOUNS IN THE UDMURT LANGUAGE (BY THE MATERIAL OF THE NORTHERN DIALECTS)

Karpova Lyudmila Leonidovna, Ph. D. in Philology

Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences
karpovalud@rambler.ru

The article analyzes the specifics of functioning of intensifying personal pronouns in the northern dialects of the Udmurt language. The author touches on the specific phenomena of this category of pronouns which can be observed mainly in the paradigms of declination. The researcher identifies the common and specific in the inflexion of intensifying personal pronouns in the mentioned dialects, makes a comparison of the certain linguistic facts of the northern dialects with the similar phenomena of the other Udmurt dialects.

Key words and phrases: Udmurt language; northern dialects; morphology; intensifying personal pronouns; inflexion.